

ТУМАННАЯ ДОЛИНА

От этой истории и смешно, и мурашки по коже

Р. Л. Стайн, автор знаменитой серии
ужастиков

КЭТРИН АРДЕН

Автор бестселлера «Медведь и Соловей»

Кэтрин Арден
Туманная долина
Серия «Кэтрин Арден.
Мировой бестселлер»
Серия «Туманная долина», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41977298

Туманная долина: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112731-2

Аннотация

Однажды одиннадцатилетняя девочка Олли спасла книгу от неминуемой гибели в реке. Приехав с классом на таинственную ферму «Туманная долина», она обнаружила могилы тех самых персонажей, о которых прочла в зловещей истории: девушка по имени Бет, два брата – Калев и Джонатан, их мама. А сама ферма удивительным образом похожа на ту, что описана в книге...

И как некстати среди кукурузных полей, таинственных пугал и ужасающего леса сломался школьный автобус, перестали работать телефоны, а на старых сломанных часах Олли появилось пугающее предупреждение: «Прячься!»

Прячься в замкнутых пространствах!

Содержание

1	5
2	15
3	22
4	36
5	48
6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кэтрин Арден

Туманная долина

Посвящается Р. Дж.

Спасибо за дурацкие шутки.

Ценю твою дружбу.

Я была права насчёт дома.

Katherine Arden
SMALL SPACES

Text copyright © 2018 by Katherine Arden

Designed by Jaclyn Reyes

© В.Б. Анисимова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

1

В Эвансбурге стоял октябрь. Последние лучи тёплого света пробивались сквозь багровые кроны сахарных клёнов. Оливия Адлер сидела возле большого окна на уроке математики у мистера Истона, стараясь, будто кошка, целиком уместиться в солнечном пятне. Ей невероятно хотелось на улицу. Обидно было попусту тратить погожий денёк. Со всем скоро усталое осеннее солнце спрячется под одеялом из облаков, потянутся серые дождливые недели, и неизвестно, сколько ещё ждать снега. Но у мистера Истона по программе были дроби, и страдания Оливии его не волновали.

– Итак, – сказал он, остановившись у доски.

Мел неприятно царапнул по гладкой поверхности. Майк Кэмпбелл вздрогнул. Его всегда передёргивало от этого звука – и ещё почему-то от вида людей, лижущих салфетки. Разумеется, весь шестой класс назло тянул салфетки в рот в его присутствии.

– Кто может перевести три шестнадцатых в десятичную дробь? – спросил мистер Истон и окинул класс взглядом, выбирая жертву. – Коко?

– Эм-м, – протянула Коко Цинтнер, торопливо захлопывая блестящий розовый блокнот. – А, – глубокомысленно добавила она, щурясь на доску.

«Ноль, запятая, один восемь семь пять», – подумала Ол-

ли, но не стала поднимать руку, чтобы выручить Коко. Вместо этого она взяла фиолетовую ручку, нарисовала линию в черновике, затем превратила её в цветок, затем в пальму – и снова взглянула в окно.

«А вдруг сейчас в ворота ворвётся армия вампиров? Хотя нет, солнце же. Может, оборотней? Или скелет, который Брустеры повесили в окне третьего этажа к Хэллоину, спрыгнет с крючка и убежит за дверь...»

Олли понравилась эта идея. Она живо представила, как инспектор Перкинс, который обычно снимал кошек с деревьев и составлял отчёты о пирогах, украденных с подоконников, подойдёт к гуляющему скелету и скажет: «Прошу прощения, мистер Мертвяк, наденьте, пожалуйста, кожу. Вы нарушаете общественный порядок...»

Тяжёлые шаги оборвали полёт её воображения. Олли вздрогнула. Похоже, Коко либо справилась с тремя шестнадцатыми, либо пала их жертвой, и мистер Истон начал раздавать проверочные работы. По классу пронёсся дружный стон.

– Ты внимательно слушала, Олли? – спросил учитель, опуская на её парту листок с заданиями.

– Ага, – кивнула она, а потом немного некстати добавила, – ноль, запятая, один восемь семь пять.

Мистер Мертвяк, увы, так и не вышел погулять. Вот же ленивый скелет. А ведь мог бы избавить целый класс от проверочной по математике.

Мистера Истона ответ явно не убедил, но он прошёл дальше.

Олли посмотрела на листок. «Переведите $9/8$ в десятичную дробь». Ясно. Для этого ей не нужен был ни калькулятор, ни черновик. Ей всегда казалось странным, что кто-то ими пользуется. Это же всё равно что каждый раз брать лупу, чтобы почитать книгу. Олли быстро нацарапала ответы, отнесла проверочную работу на учительский стол и принялась ждать звонка, готовая мгновенно сорваться с места.

Звонок даже не успел стихнуть, а Олли уже схватила сумку, засунула в неё помятую стопку листов с будущей домашней работой и роман, который читала, и бросилась к выходу. Она почти успела сбежать, но в дверях её остановил оклик:

– Олли.

Она резко замерла. Лили Мейхью и Дженна Германн чуть в неё не врезались. Весь класс устремился в коридор, огибая Олли, как речная вода камень. Пришлось вернуться к столу мистера Истона.

«Почему я?» – раздражённо подумала Олли. Фил Гринблатт целый час ковырялся в носу и лепил козявки на спинку стула перед собой. Лили взломала телефон старшей сестры, заскринила сообщения, которые Аннабель отправляла своему парню, и весь класс вдоволь над ними похихикал. Но мистер Истон почему-то задержал Олли.

Она остановилась возле учительского стола.

– Да? Я сдала проверочную, если что...

У мистера Истона были большой рот и длинный нос, который почти нависал над верхней губой, а расстояние между ними занимали аккуратно подстриженные усы. Обычно он напоминал дружелюбного моржа, но сейчас казался обеспокоенным.

– С проверочной всё в порядке, Олли, – сказал мистер Истон. – Не к чему придраться.

Она и сама это знала, поэтому подождала продолжения.

– Ты вполне потянула бы математику за восьмой класс, – добавил он. – Если не выше.

– Нет, – сказала Олли.

Теперь на лице учителя отразилось сочувствие, как будто он понимал, почему она не хочет заниматься математикой. Может, и правда понимал. Кроме математики мистер Истон вёл у Оливии живую природу и к тому же был её классным руководителем.

Если беспокойство за свои оценки Олли ещё могла стерпеть, то сочувствие ей определённо не нравилось. Она скрестила руки на груди.

Мистер Истон поспешил сменить тему.

– На самом деле я хотел поговорить с тобой про шахматный клуб. Ты ни разу не пришла с начала осени. В прошлом году ты очень помогла младшим ребятам, когда объяснила, как лучше начинать игру через гамбит, а скоро будет турнир между школами, так что...

Он всё продолжал бубнить; Олли молчала, прикусив язык.

Ей хотелось поскорее выйти на улицу и вскочить на велосипед, а не обсуждать возвращение в шахматный клуб.

Когда мистер Истон наконец договорил, она, не глядя ему в глаза, ответила:

– Я отправлю им пару ссылок про начальные гамбиты. Там всё отлично расписано, очень просто. Эм-м, и передайте там всем, что я очень извиняюсь.

Учитель вздохнул.

– Ладно, решение за тобой. Но если передумаешь, мы будем рады...

– Ага, – сказала Олли. – Я подумаю. – Потом торопливо добавила: – Ну, мне пора. Хорошего дня. До свидания.

И она выскочила за дверь, пока мистер Истон не успел возразить. Даже спиной она почувствовала, как он провожает её взглядом.

Олли пробежала мимо зелёных шкафчиков, которых было по тридцать шесть с обеих сторон, по коридору, где всегда пахло хлоркой и несвежими сэндвичами, и вылетела через двойные двери на лужайку перед школой. Сияло солнце, прохладный ветер трепал золотую листву. Осень в Эвансбурге была в самом разгаре. Олли глубоко вздохнула. Теперь можно вскочить на велосипед и на полной скорости погнать вдоль реки, не останавливаясь и не разбирая дороги. Может, даже искупаться? Не так уж и холодно сейчас. К сумеркам она вернётся домой: солнце садится без двух минут шесть. Времени полно. Отец, конечно, будет не рад, что Олли за-

держалась. Он постоянно беспокоится, хотя знает: его дочь способна о себе позаботиться.

Велосипед был марки «Швинн», сливового цвета. Олли всегда оставляла его у самых ворот, прикрепляя замком к забору. Вряд ли кто-то в Эвансбурге стал бы красть велосипед, но Олли слишком любила свой, к тому же кто-нибудь мог в шутку снять колёса и спрятать их в кустах.

Она как раз возилась с замком, выставляя нужную комбинацию цифр и высунув язык от старания, когда с лужайки донесся громкий возглас:

– Это моё! Верни! Нет, не смей! Нет!

Олли обернулась.

Почти весь класс столпился перед школой, наблюдая за Коко Цинтнер, которая металась по лужайке. Это её крик привлек внимание Олли. Коко напоминала фею: огромные, светло-голубые, слегка раскосые глаза; волосы пшеничного оттенка, на солнце отливающие розовым. Она выглядела так, будто каждое утро просыпается в бутоне цветка и завтракает нектаром. Олли немного завидовала: сама она – темноволосяя, кудрявая и вечно растрёпанная – ни на какую фею не походила. «Зато я сильнее, – с гордостью напомнила себе Олли. – Если Фил Гринблатт что-нибудь у меня стащит, я просто ему врежу».

Фил Гринблатт украл у Коко блестящий блокнотик, тот самый, который она захлопнула, когда мистер Истон задал ей вопрос. Попытки Коко вернуть свою вещь выглядели жалко

– Фил был выше на голову. Он поднял руку так, чтобы маленькая одноклассница не могла дотянуться, и открыл блокнот на интересовавшей его странице. Коко завизжала от досады.

– Эй, Брайан, – позвал Фил. – Посмотри-ка.

Коко разрыдалась.

В свои двенадцать лет Брайан Баттерсби был звездой хоккейной сборной средней школы. Он уступал Филу в росте, но с телосложением ему повезло куда больше: в отличие от длинного Гринблатта, он не напоминал богомола. Брайан стоял, прислонившись плечом к кирпичной стене школы, и с любопытством наблюдал за Филом и Коко.

Олли начала злиться. Коко никому не нравилась: она только что переехала из Нью-Йорка и раздражала всех своей излишней живостью. Но это же не повод доводить её до слёз!

Брайан посмотрел на блокнот, который протянул ему Фил, и пожал плечами. Похоже, ему было скорее неловко, чем смешно.

Коко зарыдала громче.

Брайан ещё сильнее смутился.

– Да ладно тебе, Фил, может, это не я.

Майк Кэмпбелл толкнул Брайана локтем в бок.

– Не, вылитый ты. – Он снова посмотрел на открытую страницу. – Ну, или это собака, похожая на тебя.

– Верните! – закричала Коко сквозь слёзы и снова попыталась вырвать блокнот у мальчишек. Фил поднял его повы-

ше и, смеясь, помахал им над головой у Коко. Весь класс тоже хохотал, а Олли наконец увидела, что они все разглядывают рисунок – хороший, кстати; Коко умела рисовать. На странице были лица Коко и Брайана, обведённые сердечком.

На математике Коко сидела впереди Филя, и тот, вероятно, увидел, как она рисует. Бедная глупышка не сообразила, что не стоит открывать блокнот прямо под носом у любопытного Гринблатта.

– Эй, Брайан, неужели ты не хочешь на свидание с Цыпочкой Коко?

Коко, похоже, готова была сбежать, вот только ей очень не хотелось оставлять блокнот. Олли уже надоела вся эта сцена, поэтому она наклонилась, подобрала небольшой камешек, замахнулась и бросила его.

Математика и метание различных предметов – к этому сводились все таланты Оливии Адлер. Из секции софтбола она ушла в прошлом году, но меткость ещё не растеряла.

Камешек стукнул Брайана по затылку, и тот повалился на траву. Всеобщее внимание тут же переключилось с Коко на Олли.

Конечно, лучше было бы попасть в Филя, но тот стоял лицом к ней, а выбитый глаз – это уже слишком. К тому же Брайан не вызывал у Олли большого сочувствия. Он прекрасно знал, что круто играет в хоккей и что многим нравится, но не спешил выручать Коко, которая попала из-за него в неловкое положение. Сам виноват, нечего очаровывать дев-

чонок улыбками и заводит тупых друзей.

Олли скрестила руки на груди. В голове прозвучал голос мамы, которая частенько говорила: «Заварила кашу – так не жалеёй масла!» Олли подобрала ещё один камень и, взвешивая его в руке, сказала:

– Ой. Я случайно.

Весь шестой класс уставился на неё. Те, кто стоял поближе, испуганно попятнулись. Многие считали, что после *того, что случилось в прошлом году*, у неё поехала крыша.

– Серьёзно, ребят, – добавила Олли. – Вам что, заняться больше нечем?

Коко Цинтнер воспользовалась тем, что Фил отвлёкся: выхватила у него блокнот, затем внимательно посмотрела на Олли и бросилась бежать.

«Теперь меня до конца года будут оставлять после уроков», – подумала Олли.

Брайан тем временем встал, сплёвывая грязь.

– Неплохой бросок, – произнёс он.

Поднялся шум. Мисс Маутон, которая в этот день следила за школьниками во дворе, наконец заметила начавшийся переполох.

– Так! – воскликнула она, устремившись к кучке шестиклассников. – Ну-ка, ну-ка! – Мисс Маутон была библиотекарём и не слишком-то умела присматривать за детьми.

Олли решила, что извиняться не станет. Пусть звонят папе, качают головами и оставляют её после уроков. Это будет

завтра, когда погода уже испортится. По крайней мере, не придётся жалеть о потраченном впустую погожем деньке.

Олли вскочила на велосипед и вылетела за ворота так быстро, что из-под колёс полетел гравий. Никто не успел её остановить.

2

Изо всех сил крутя педали, она пронеслась мимо стогов сена, сложенных возле круговой развязки на Центральной улице, и свернула в Маргаритковый переулок. С крыльца каждого дощатого домика ухмылялись праздничные тыквы. Вывернув руль, Олли прокатилась прямо по мертвенно-серой резиновой руке, торчавшей из земли во дворе у Штайнеров, потом повернула на холм Джонсона и, тяжело дыша, поехала вверх по наклонной грунтовой дороге.

За Олли никто не гнался. Да и зачем бы? Она ведь уже за территорией школы.

Велосипед плавно скатился по противоположному склону холма. Так здорово, когда никто не мешает наслаждаться тёплым светом! Справа журчала по камням серебристая река. С деревьев осыпались огненно-красные листья. Жарко не было, но для октября – нормально. В шортах уже не погуляешь, но, если подставить лицо солнцу, можно почувствовать, как лучи греют кожу.

Для чтения Олли давно облюбовала одно местечко неподалёку от дома – каменистый уступ берега, наполовину скрытый водопадом. По осени там никого не бывало: начиная со второй половины сентября, когда становилось прохладнее, купаться уже никто не ходил.

Кроме домашнего задания у Олли в рюкзаке лежала

«Одиссея капитана Блада» Рафаэля Сабатини. Это была книга в обложке с заломленным во многих местах корешком, которая обнаружилась на одной из отцовских полок. Роман оказался неплохой. Олли нравилось, как Питер Блад оставлял врагов в дураках – эта черта всегда привлекала её в книжных героях. Правда, лучше бы Питер был девушкой. Или главный злодей. Да кто угодно. Женский пол в книге представляли, главным образом, две Арабеллы – возлюбленная героя и корабль, названный в её честь. Но по крайней мере в романе шла речь о невероятных приключениях, дальних плаваниях и удивительных местах, совсем не похожих на Эвансбург. Именно этого и хотела Олли. Чтение помогло ей перенестись в мир, где можно быть кем-то другим, а не Оливией Адлер.

Она притормозила. Обочину дороги укутал ковёр из алых листьев: сахарные клёны осыпаются раньше других деревьев. Олли постоянно держала в голове список клёнов Эвансбурга, которые никому не принадлежат. Когда потечёт сок, они с мамой пойдут...

Нет. Не пойдут. Кленовый сироп придётся купить.

Заметить купальное место с дороги было невозможно. Если не знать заранее, просто проедешь мимо. Но, если приглядеться, можно разглядеть узенькую тропинку, ведущую к воде. Олли покатила перед собой велосипед. Деревья словно обступили её со всех сторон. Через реку тянулся мост с белыми перилами, а под ним река, замедлив свой бег по

скалистому склону, становилась глубже и спокойнее. Над купальным местом нависал обрыв, с которого можно было прыгать в воду, а на берегу пряталась куча укромных уголков, отлично подходящих для девочки с книжкой. Олли ускорила шаг. Ей не терпелось устроиться у воды и почитать в полном одиночестве.

Деревья резко расступились, и Олли оказалась на залитом солнцем берегу. Но, к её изумлению, она была не одна. У воды стояла стройная женщина в джинсах и фланелевой рубашке. Незнакомка всхлипывала.

Наверное, Олли задела ногой какой-нибудь камешек, потому что женщина вздрогнула от неожиданности и обернулась. Олли сглотнула. Приятное лицо знакомки обрамляли медово-золотистые волосы, но под глазами залегли глубокие тени, а по щекам растеклась тушь, как будто она уже долгое время плакала.

– Привет, – сказала женщина, выдавив улыбку. – Ты меня напугала.

Ее побелевшие пальцы сжимали какой-то небольшой тёмный предмет.

– Я не нарочно, – осторожно произнесла Олли.

Ей хотелось спросить: «Почему вы плачете?», но она постеснялась задать такой вопрос взрослому человеку. Женщина не ответила. Она покосилась на каменистую тропинку, идущую вдоль реки, а потом снова перевела взгляд на воду. Словно искала что-то взглядом. Или кого-то.

Олли почувствовала, как мороз пробежал по коже.

– Всё в порядке? – спросила она.

– Конечно. – Незнакомка снова попыталась улыбнуться, но у неё не вышло. Ветер зашуршал листвой. Олли оглянулась. Никого.

– Всё хорошо, – добавила женщина. Она повертела в руках тёмный предмет и вдруг выпалила: – Просто нужно избавиться вот от этого. А потом... – Незнакомка смолкла.

«А потом... Что потом?»

Женщина вытянула руку над водой, и Олли увидела, что она держит чёрную книжечку размером примерно с ладонь.

– Нельзя выкидывать книги! – Олли воскликнула это, даже не задумываясь, и рванулась вперёд, бросив велосипед.

Она просто не могла понять, зачем выбрасывать книгу в воду, когда её можно отдать кому-нибудь ещё. По всему Эвансбургу были даже ящики, где жители оставляли ненужные книги.

– Я должна! – отрезала женщина, и Олли удивлённо замолчала. Женщина продолжила, будто говорила сама с собой: – Это условие сделки. Устроить всё, а затем бросить книгу в воду. – Она умоляюще взглянула на Олли. – Понимаешь, у меня нет выбора.

Та попыталась всё же образумить знакомку.

– Если вам не нужна книжка, вы можете оставить её в специальном ящике, – твёрдо произнесла Олли. – Или... или подарить кому-нибудь. Зачем топить её в реке?

– Я должна, – повторила женщина.

– Должны бросить книгу в реку?

– Да, надо успеть до завтра, – кивнула незнакомка и про-
бормотала себе под нос: – Всё случится завтра.

Олли подошла совсем близко, на расстояние вытянутой
руки, и почувствовала кислый запах пота – запах страха. Все
эти странности сбивали с толку, и она предпочла не прида-
вать им значения. Ей ещё предстояло пожалеть об этом ре-
шении.

– Если вам не нужна эта книга, я её заберу, – заявила
она. – Я люблю читать.

Женщина покачала головой.

– Он сказал «в воду». Повыше по течению. В том месте,
где Лета выходит из-под скал. Я здесь. Я всё исполню! – По-
следние слова она прокричала, будто обращаясь к кому-то
невидимому. Олли едва не оглянулась снова, но сдержалась.

– Зачем? – спросила она. Вдоль позвоночника побежали
мурашки.

– Кто знает? – прошептала незнакомка. – Может, для него
это игра. Видишь ли, ему нравятся такие игры, поэтому он
всегда улыбается... – Она тоже улыбнулась – мрачно, как
хэллоуиновская тыква на крылечке.

Олли чуть не вскрикнула. Но вместо этого, не думая, она
протянула руку и выхватила книгу. Обложка была хрупкой
на ощупь и очень пыльной. Сама себе удивляясь, Олли то-
ропливо попятилась.

Женщина покраснела от ярости.

– А ну отдай! – крикнула она, брызгая слюной.

– Не отдам, – ответила Олли. – Вам эта книжка всё равно не нужна.

Она отступала к велосипеду, опасаясь, что незнакомка бросится на неё. Но та лишь уставилась на Олли – так, будто впервые как следует разглядела её.

– Почему... – На лице женщины вдруг отразился необъяснимый ужас. – Сколько тебе лет?

Олли продолжала пятиться к велосипеду.

– Одиннадцать, – произнесла она не задумываясь. Ещё немного...

– Одиннадцать? – выдохнула незнакомка. – Одиннадцать. Ну конечно, одиннадцать лет. – Она то ли плакала, то ли смеялась. Может, и то, и другое сразу. – Очень в его духе... – Женщина резко замолчала, а потом наклонилась вперёд и прошептала: – Послушай, одиннадцатилетка. Я тебе кое-что расскажу, потому что я не плохая, у меня просто не осталось выбора. Я дам тебе совет, а ты вернёшь мне книгу. – Она протянула руку. Её скрюченные пальцы напоминали когти.

Олли, уже готовая сбежать, переспросила:

– Какой совет?

Река журчала по камням, но тяжёлое дыхание незнакомки перекрывало шум воды.

– Избегай открытых пространств по ночам, – сказала она. – Прячься в замкнутых.

– «Прячься в замкнутых пространствах?» – Олли не могла решить, чего ей хочется больше: сбежать или понять, о чём речь. – И всё?

– Да, в замкнутых! – закричала женщина. – В самых укромных уголках! Прячься в замкнутых пространствах, иначе поплатишься! Вот увидишь! – Она дико расхохоталась, напомнив Олли пластиковую ведьму, которая украшала крыльцо Брустеров. – Теперь отдавай книгу! – Безумный смех оборвался со всхлипом.

Олли развернула «Швинн» и побежала с ним по тропинке. За спиной раздалися шаги – незнакомка кинулась за ней, хрипя:

– Вернись! А ну вернись!

Олли уже выскочила на дорогу, перекинула ногу через седло и помчалась домой что было сил, всем телом вжимаясь в руль. Её волосы развевались на ветру, а в кармане, словно чья-то страшная тайна, лежала книга.

3

Дом Адлеров был высокий и старый, лиловый, как цветок люпина. Отец купил его ещё до встречи с мамой Олли, которая, едва увидев это здание, рассмеялась: «Ты кем себя вообразил, пасхальным кроликом?» Дело было в том, что папа раскрасил своё жилище в дикие цвета, так что оно напоминало пасхальное яйцо. С тех пор дом так и называли – Яйцом. Снаружи вокруг окон тянулась окантовка сливового цвета, дверь была ярко-красной. Стены в кухне оттенком напоминали мятное мороженое. Спальни тоже были разноцветные: одна закатно-оранжевая, вторая розовая, как клубничная карамелька, а третья – огненно-красная. Папе нравилось всё яркое. «Зачем нам серая кухня, если можно сделать мятную?» – повторял он.

Олли любила свой дом. Когда приезжали бабушка с дедушкой, они вечно качали головами и рассуждали о том, что белые стены визуальнo расширяют пространство. Отец послушно кивал, но, едва бабуля отворачивалась, заговорщически подмигивал Олли.

Мама дала каждой комнате название.

– Рассветная комната, – говорила она, ведя по дому маленькую Олли, которая с трудом взбиралась по лестнице на коротких ножках. Тогда она, наверное, не умела читать, но

всё равно вглядывалась в таблички на дверях, пытаясь повторять слова:

– Рас-свет. Рассвет.

У мамы были тёплые сильные руки, все в мозолях от вёсел и скалолазания. Олли до сих пор помнила свои толстые пальчики, которые мама крепко сжимала тонкой загорелой рукой.

– Рассвет – это когда встаёт солнце, Оливия.

Мама была единственной, кто называл её полным именем.

– Если у тебя появится братик, назовём его Себастьяном. Красивые имена, зачем их сокращать?

Мисс Каррузерс попыталась называть Олли Оливией в конце пятого класса, как и некоторые другие учителя, но она просто не отзывалась на это имя. Все лучшие героини книг были упрямы и тверды – как скала, как камень, ну или с чем там ещё их сравнивали авторы. Она решила, что называть её Оливией можно только маме, – и точка.

– Закатная комната, – прочитала мама, поворачивая табличку так, чтобы Олли могла посмотреть.

Родители сами их разрисовали. Папины аккуратные таблички были украшены солнцами, лунами и крохотными цветочками.

Папа вообще умел, казалось, всё на свете: рисовать, вя-

затъ шапочки, печь пироги. Мама больше любила возиться в саду, бегать, летать и ввязываться в приключения. Её таблички были забрызганы яркими кляксами, за которыми с трудом читались буквы.

– Закат – это когда солнышко садится! – восторженно отозвалась Олли.

– А тут у нас что? – спросила мама, когда они дошли до конца коридора.

В двери была старинная замочная скважина с ручкой в форме дракона. «Твоя мама нашла эту ручку на гаражной распродаже, – рассказал однажды отец, – и решила её купить. Так и говорила: это для дочки».

– Комната Олли! – торжественно воскликнула Олли, а мама рассмеялась, подхватила её на руки, перевернула вверх ногами и побежала с ней обратно на кухню.

Путь домой лежал мимо участка Брустеров. Днём скелет, торчавший из чердачного окна, вызывал у Олли лишь смех, но сейчас, в сумерках, он выглядел зловеще. Его светящиеся зелёные глаза будто следили за ней, а ведьма на крыльце ухмылялась и хохотала. Стараясь не оглядываться, Олли погнала велосипед дальше.

«Просто сумасшедшая. Я встретила сумасшедшую. Вот и всё. Это не значит, что теперь нужно всего бояться. Чушь какая...»

«Ага, и украла у этой сумасшедшей книгу, – возразил го-

лос разума. – За кражу сажают в тюрьму. Детскую колонию. Школу закончишь в полосатой пижаме».

Беспокоиться об этом было намного легче, чем думать, что в полночь незнакомка постучится к ней в дверь, глядя на неё всё такими же безумными глазами и требуя вернуть книгу.

Олли поставила велосипед в сарай для инструментов, распахнула входную дверь и нырнула в дом, прячась от теней, сгущавшихся на лужайке у крыльца. Погода менялась. Ветер, прежде мирно шуршавший листьями у реки, теперь усилился, разъярился и трепал растения на склонах гор. Закатные отблески заплясали по стенам Яйца, а по дороге застучали дождевые капли. Тёплая осень закончилась.

Но в доме было светло и уютно. Олли повесила куртку на крючок. Похищенный томик оттягивал карман. Она протянула руку, чтобы достать книгу, но передумала. Если никому её не показывать, Олли сможет соврать, что ничего не брала. Поверят ли ей? А той женщине?

Отец был на кухне – оттуда доносились звон кастрюль и приглушенное пение Саймона и Гарфанкела из динамиков. Потом раздался папин голос:

– Олли, это ты?

– Не-а, – крикнула она. Её руки до сих пор немного дрожали. – Почтальон приходил. Мне прислали подарки на день рождения: щенка, котёнка и пони.

– Отлично, – ответил отец из кухни. – Пони пускай стри-

жёт газон, а котёнка я скормлю Миссис Ух.

Так звали огромную сову, которая жила в дупле засохшей карии на углу их участка. А кошек папа не любил.¹

– Но щенка можешь оставить, – великодушно заявил он. – Хотя я был уверен, что день рождения у тебя в апреле.

– Ха-ха, – сказала Олли. Она прошла по плиткам прихожей, обогнула пианино и шагнула в гостиную. Страх, навеянный странностями этого вечера, начал потихоньку таять.

Отец Олли торговал солнечными батареями. Ему нравилась такая работа, но больше всего он любил мастерить что-нибудь своими руками. Олли с детства ни разу не видела, чтобы он сидел без дела. Долгими летними вечерами он сооружал скворечники и мебель, вязал или учил Олли лепить тарелки из глины, а к ужину что-нибудь готовил.

Этим вечером отец был занят выпечкой. По дому витал аппетитный запах. Олли втянула воздух носом. Чесночный хлеб! И томатный соус. Увидев её, папа высыпал макароны в кипящую воду. Спагетти. Отлично, Олли как раз проголодалась.

Гостиная с кухней занимали одно помещение; их разделяли только длинный ряд шкафчиков и плита. Олли бросила на пол рюкзак и упала на диван.

Отец стоял у плиты и помешивал пасту, тихо подпевая музыке. На нём была рубашка горчичного цвета с длинны-

¹ Кария – род деревьев семейства ореховые. Довольно часто под этим названием подразумевается пекан.

ми рукавами. Одежда ему нравилась такая же, как интерьеры: чем ярче, тем лучше. Иногда выбранные цвета не сочетались, и мама его дразнила.

В любой другой вечер отец протянул бы Олли ломтик чесночного хлеба, а потом они бы начали спорить о том, почему ей нельзя выпить имбирного эля до ужина. В конце концов она бы его уговорила, но к тому моменту паста уже была бы готова, и ужин бы начался. Но сейчас папино лицо стало вдруг очень серьёзным, а чесночный хлеб так и остался в духовке. Олли подумала, не сунуться ли туда самой, и решила, что не стоит.

Она окинула папу взглядом. Может, из школы ещё не звонили?

Отец поставил Саймона и Гарфанкела на паузу.

– Олли.

– Из школы звонили, – вздохнула она.

– Первой позвонила мама Брайана Баттерсби, – поправил отец. Он никогда не умел разговаривать строго. Сейчас он просто злился. – Ты не представляешь, чего она мне наговорила. А потом уже позвонили из школы. Завтра тебя вызывают к директору. Олли, ты же могла нанести этому мальчику серьёзную травму.

– Нет, не могла! – возразила Олли, приподнявшись на диване. – Камешек был совсем маленький. И вообще, они обижали Коко Цинтнер. Ты же сам говорил, что надо помогать другим!

Папа отложил лопаточку, которой мешал соус, подошёл к дивану и сел рядом. Ну вот, теперь он будет строить из себя понимающего отца. Её бесило, когда с ней разговаривали *понимающим* тоном. Это было так же гадко, как сочувственные лица. У Олли начали гореть уши.

– Олли, – сказал папа. – Я очень рад, что ты пыталась кого-то защитить. Но не надо смотреть на меня с такими невинными глазами. Всегда ведь можно выручить друга таким образом, чтобы потом не пришлось никому зашивать голову, и ты это прекрасно знаешь. Даже если Брайан вёл себя как маленький гадёныш. В следующий раз пожалуйся учителю, останови обидчиков словами, закидай их математическими формулами. Включи своё богатое воображение, ну же! – Он шутливо постучал ей по лбу. – Завтра, юная леди, вас прямо с утра ждёт к себе директор. Если верить маме Брайана, тебя теперь очень долго будут оставлять после уроков. – Отец смолк, затем добавил уже мягче: – Кстати, с самим Брайаном всё в порядке. Его мама считает, что он слишком несерьёзно относится к произошедшему.

– Ещё бы. У него башка дубовая, – проворчала Олли. – Ему бы и от целого кирпича ничего не сделалось.

– Не надо кирпичей, – сказал отец. – Да, ещё звонила мама Коко Цинтнер. Её дочка просила передать спасибо за то, что ты вступилась за неё. Похоже, остальные одноклассники не спешили ей помочь.

Олли промолчала. Теперь она уже жалела, что бросила

камнем в Брайана. Коко Цинтнер ей совсем не нравилась, она была такая писклявая. Просто Олли не любила смотреть, как кого-то обижают. А сейчас ей хотелось поскорее поужинать и рассказать отцу про женщину у реки, но, похоже, момент был неподходящий. Не хватало ещё, чтобы её оставляли после уроков до Рождества.

«Ну, – подумала Олли, – если меня посадят в тюрьму за кражу книги, то после уроков оставаться не придётся». Но этот вариант её тоже не устраивал. Из огня да в полымя!

– Если так хочется что-нибудь побросать, – ласково продолжил отец, – может, вернёшься в софтбол? Тебя с радостью возьмут обратно в команду, чемпионка. Помнишь, какой ты выбила хоум-ран в прошлом...²

Олли напряглась.

– Не хочу.

Папа поднялся. Он уже не злился. Его лицо выражало лишь печаль, и это было хуже всего.

– Ладно, как скажешь, – вздохнул он, направляясь обратно к плите. – Не хочешь – не надо. Но, Олли, нельзя же прятаться в книгах до бесконечности. Вокруг есть другие люди, самые разные занятия, жизнь продолжается, и тебе пора...

Она так и знала, что папа скажет что-нибудь в таком духе.

– Что пора? – Олли вскочила на ноги. – Забыть? Ни за

² Игровая ситуация, которая достигается сильным и точным ударом отбивающего. Мяч покидает пределы поля, что позволяет бьющему игроку и членам его команды совершить пробежку и заработать очки.

что! Даже если ты забыл. Что хочу, то и делаю. Ты мне не начальник.

– Я тебе отец, – возразил он. Его щёки, поросшие щетиной, побледнели. – Я хочу помочь, малыш. Мне тоже грустно, поверь, но я...

Олли не собиралась слушать дальше. Что угодно, только не это.

– Я не хочу есть, – сказала она. – Пойду спать.

– Олли...

– Не хочу!

Она схватила рюкзак и выскочила из комнаты. Проходя через прихожую, она достала из кармана куртки украденную книгу, забралась наверх по крутой лестнице и быстро преодолела тёмный коридор, ведущий к её спальне. В глубине души ей хотелось, чтобы отец пошёл за ней, попросил не глупить, рассказал бы какой-нибудь дурацкий анекдот и уговорил её спуститься к ужину. Но до комнаты её провожала лишь тишина.

Хлопать дверью Олли не стала: нет, она уже достаточно показала характер. Хлопать дверью – это примитивно. Так может сделать ребёнок, закативший истерику («Ты и есть этот ребёнок, дурочка!») – шепнул предательский голосок в голове), а не *почти подросток*, который имеет полное право злиться. Так что она стиснула зубы и осторожно прикрыла дверь. А потом, когда её уже никто не мог увидеть, упала на кровать и уткнулась лицом в подушку. Олли не плакала,

просто крепко зажмурилась, но глаза оставались сухими. К чему сейчас слёзы? Плакать можно, когда оцарапал коленку, а не когда...

Не важно. Просто Олли иногда злилась, а люди, которые пытались её успокоить, только делали хуже. Здесь, в тишине и одиночестве, ей было проще, пусть даже ужасно хотелось есть. Из кухни всё ещё доносился чесночный аромат. Но отец опять попытается завести разговор, а ей было нечего ему сказать. Или, может, папа не станет задавать вопросов? Иногда он предпочитал оставить её в покое. Но ужинать в напряжённом молчании было бы, пожалуй, даже хуже. Нет, проще оставаться здесь.

Олли достала из сумки коричневатое-жёлтое яблоко, каких в Эвансбурге было предостаточно. Осенью, во время сбора урожая, повсюду продавали сидр и яблоки самых разных сортов. Красные, пурпурные, жёлтые, зелёные. Олли надкусила сочный плод. *Хр-рум*. Яблоки – это отлично; лучше думать о них. В октябре она готова была питаться только ими. Олли попыталась убедить себя, что яблоко ничуть не хуже спагетти, но у неё не вышло. Ладно, всё-таки лучше, чем ничего. Чуть позже она спустится на кухню и перекусит. Вот и славно.

Олли постаралась сосредоточиться на мыслях о еде. Но нет, этого оказалось мало. Нужно было отвлечься на что-нибудь посерьёзнее, чтобы не думать об отце, о том, как он побледнел. Не вспоминать сочувственное лицо мистера Исто-

на. Не представлять огонь, взрытую землю и дождь. Просто ни о чём не думать.

Когда Олли только вошла в комнату, то бросила рюкзак на пол, а свой трофей положила на стол. Теперь она встала с кровати, чтобы получше рассмотреть спасённую книгу. Золотистые буквы на потёртой обложке давно поблекли. Книжка была тоненькая, меньше ста страниц. Олли взяла её.

«Замкнутые пространства» Автор не указан, только название.

Олли открыла книгу и посмотрела на страницу с выходными данными.

1895. Ого, какая старая! Отпечатана в Бостоне.

Олли перевернула страницу. Книга начиналась с письма.

«Моя дорогая Маргарет!

Жаль, что я не могу лично поведать тебе эту историю. Как бы мне хотелось, чтобы у меня был ещё хоть час, хоть день, хоть немного времени».

Олли закусила губу. Ей ведь тоже не хватило времени. Она опустилась на кровать и ещё раз надкусила яблоко, не замечая вкуса, скользя взглядом по строкам.

«Но времени нет. Остались лишь слова.

Ты, должно быть, давно задаёшься вопросом, почему я не упоминаю о твоём отце. Пришло время рассказать всё. Не знаю, поверишь ли ты. Когда я смотрю на эту историю, написанную чёрным по белому, то и сама с трудом верю. Но клянусь тебе: всё,

что здесь сказано, правда.

Надеюсь, ты прочитаешь мой рассказ и забудешь о нём.

Ферма теперь принадлежит тебе. Продай её, если сможешь. Но главное, прошу тебя, не тревожь прошлое. Думай о будущем. Думай о семье.

Не возвращайся в Дымную лощину. Когда год подходит к концу, в сумерках всё чаще поднимается туман. Это опасные ночи. Джонатан рассказал мне об этом, прежде чем... Но я убегаю вперёд.

Поверь, я много раз хотела оставить ферму. Я была готова сделать это в любую минуту и даже говорила об этом с твоим отцом. Но он сказал, что проклятие последует за ним, куда бы он ни сбежал. Я не смогла оставить его. Но он оставил меня.

Огонь свечи дрожит и гаснет – так бывает, когда они близко.

Иногда, в минуты отчаяния, я надеюсь, что Джонатан где-то среди них, что он не покинул меня. Но нет, лучше верить, что твой отец умер. Тогда я увижусь с ним в вечной жизни.

Мне страшно думать о том, что будет, если это не так.

Благослови тебя Господь, моя милая.

Пусть мой рассказ кажется странным, прошу тебя, прочти его ради меня.

С любовью,

Бет Вебстер, урождённая Бувье

Дымная лощина, 1895»

Заинтригованная письмом, Олли открыла следующую страницу, на которой был только эпитафия:

*«Когда поднимается туман и по дорогам ходит
Человек с улыбкой на лице, избегай открытых
пространств по ночам.*

Прячься в замкнутых».

Олли нахмурилась.

«Прячься в замкнутых пространствах», – сказала незнакомка у реки.

Женщина явно была не в себе. Может, она сошла с ума из-за этой книги? Олли озадаченно уставилась на эпитафию. Дождь стучал по окну в крыше. Ветер начал завывать. Олли открыла следующую страницу.

«Я родилась вскоре после войны и была ещё ребенком в 1876 году, когда Джонатан и Калейб с матерью, Кэти Вебстер, появились в Дымной лощине. Они были все в пыли; мальчишки шли босиком, в заштопанных рубашках. У маленького семейства с собой было лишь немного хлеба и копченый окорок, завязанный в тряпицу.

Они миновали ворота фермы, прошли мимо свинарника и курятника и остановились во дворе, где и увидели меня – девочку с косичками, одетую в коричневое ситцевое платье, раскрасневшуюся от работы возле печи. В руках у меня было блюдо с пирогом.

– Мистер, – обратилась я Джонатану, – папенька

ушёл на северное поле.

Джонатану тогда было четырнадцать: почти взрослый по сравнению со мной. Но он широко улыбнулся мне, будто старому другу, и бодро ответил:

– Мы подождём. Надеюсь, твоему папёнке нужны работники?»

4

На следующий день будильник прозвонил ужасно рано. Сонно хлопая глазами, Олли высунула голову из-под одеяла и услышала, что по крыше стучит дождь.

– Нет уж, – пробормотала она и снова зарылась в подушку.

«Замкнутые пространства» лежали на расстоянии вытянутой руки. Олли читала до поздней ночи, но в итоге пометила место, где остановилась, закладкой и всё же легла спать. Лучше бы не ложилась. За ночь Олли дважды проснулась от одного и того же кошмара: серое небо, горящее поле, и она бежит к кому-то, но не может его найти, а вокруг толпятся великаны с мисками в руках, и каждый повторяет: «Мне так жаль, Оливия».

На улице продолжало лить. Скошенный потолок мансарды нависал над кроватью Олли. Иногда во время дождя она любила представлять, будто лежит под водопадом в джунглях. Но сейчас Олли поплотнее закуталась в одеяло.

– Олли! – позвал отец с лестницы. – Вставай! Надевай свитер, хватай резиновые сапоги, иди чистить зубы, а потом живо спускайся! Вы сегодня едете на ферму, не забыла?

Большой плюшевый кролик без глаз и носа лежал на подушке рядом с Олли. Она недовольно уставилась на него.

– Сегодня?! Может, директор в наказание оставит меня в школе?

Дождь продолжил стучать по крыше, словно соглашаясь с ней.

Весь класс ехал на ферму в Туманной долине. Мистера Истона не остановил бы никакой ливень. Он всю неделю говорил об этой экскурсии. На ферме школьникам расскажут, как доить коров, забивать свиней (перерезать горло и повесить вниз головой!) и выращивать брокколи (ням-ням!). В результате они должны проникнуться уважением к сельскохозяйственным традициям Вермонта. Глядя на окно в потолке, Олли решила, что единственным результатом этой поездки будут мокрые ноги.

Осторожно, как будто отец на первом этаже мог услышать даже самый тихий шорох, она высунула руку из своего кокона, схватила «Замкнутые пространства» и затащила книжку под одеяло. В первой части истории речь шла о детстве Бет и её друзей – Калеба и Джонатана. Они косили сено, пекли пироги, ловили рыбу и заботились о новорождённых ягнятах. Олли с удовольствием прочитала всё это, но пока не понимала, почему незнакомка у реки хотела выбросить книгу. Теперь же тон повествования изменился.

«Моя милая, – писала Бет, – я рассказала тебе немного о своей юности. Прости старую женщину. Мне просто хотелось пережить всё это заново и дать тебе возможность увидеть времена, когда тебя ещё не было. Но теперь пришла пора поведать о том, что было дальше.

Эту часть истории я знаю со слов Джонатана. Она, наверное, покажется тебе невероятной. Суди сама, но я ему верю. Прочти всё, но не вини своего отца. Он хотел как лучше.

Итак, я рассказала тебе о том, как прекрасно мы жили после того, как отец дал Калебу, Джонатану и Кэти работу и поселил их в Дымной лощине. Мальчики стали моими лучшими друзьями, а Кэти, мать братьев, относилась ко мне как к родной дочке.

Но, когда мне было семнадцать, умер мой отец. В одночасье я превратилась из ребёнка во взрослую женщину, на плечи которой легла забота о ферме. Кaleb и Джонатан теперь видели во мне не просто подругу: они стали бороться за мое внимание и относиться друг к другу с подозрением. Боюсь, в этом была и моя вина. Я была богатой наследницей, а они любили меня. Мне... мне даже нравилось, что они соперничают из-за меня. Как рыцари, которые служат прекрасной даме. Я была такой молодой и глупой.

Разумеется, я всегда знала, за кого из братьев хочу выйти. Я решила это в то мгновение, когда Джонатан впервые улыбнулся мне в день нашей встречи. Когда он попросил моей руки, я дала согласие. Кaleb пришёл в ярость, узнав об этом. Братья поссорились. Джон не стал пересказывать мне всё, что они друг другу наговорили, но, как я понимаю, оба опустили до непростительных оскорблений. В ту ночь была буря. Ты ведь помнишь, какие бури начинаются в Дымной лощине в октябре? Скалы по берегам Леты обледенели;

холодный дождь лил стеной. Ссора братьев переросла в драку. Джонатан ударил Калеба, и тот в слезах выбежал из дома.

Джон всё ещё злился, поэтому не пошёл за ним. “Замёрзнет и сам вернётся”, – подумал он. Но Калеб не вернулся.

Прошёл день, второй, а его всё не было. Мужчины отправились его искать, но не нашли даже следов. Кэти впала в отчаяние и винила Джонатана в исчезновении Калеба. Бедняжка обезумела от горя и ужаса. Однажды ночью она поссорилась со старшим сыном. Наверное, тогда Кэти уже сама не понимала, что говорит. Она выгнала Джонатана на улицу и запретила возвращаться, пока он не приведёт брата домой.

Джонатан и так терзался чувством вины. Когда мать отправила его на поиски Калеба, он послушался. Шёл дождь, совсем лёгкий, похожий на холодные слёзы. От дождя поднимался туман – та самая дымка, в честь которой ферме дали название “Дымная лощина”. Приблизился Самайн. В стране наших предков этот праздник знаменовал конец года.

Тому, что произошло дальше, нет оправдания. Но Джон был в отчаянии; он брёл по холодному полю, не зная, как быть со своим горем.

– Пожалуйста! – воскликнул Джонатан. – Умоляю! Мне так жаль. Я просто хочу его вернуть. Что угодно сделаю. Что угодно!

И тогда из тумана раздался голос...»

– Ты что, читаешь? – прокричал отец с первого этажа. Олли вздрогнула и вынырнула из-под одеяла. – А ну-ка откладывай книгу. И чтобы через минуту я слышал, как ты собираешься! Джинсы, свитер, сапоги! Куртку не забудь! И поживее! – А потом, чтобы легче было её выманить, он добавил: – Я пожарил бекон и сварил овсянку! Я же знаю, ты проголодалась.

Это верно. Она так и не спустилась ни поужинать, ни даже перекусить. Из кухни поднимался изумительный аромат бекона. Лучше всего было бы, конечно, позавтракать в кровати и дочитать «Замкнутые пространства». Олли крикнула, изображая дрожь в голосе:

– У меня температура. – Она потрогала лоб. Ну, как минимум тёплый. – Мне нельзя под дождь, а то подхватчу воспаление лёгких.

На лестнице раздались шаги отца. Когда он открыл дверь, Олли уже успела спрятать книгу под одеяло, поглубже заползти в свой кокон и изобразить на лице страдание.

Папа был в синей клетчатой рубашке. Похоже, он совсем не спал. Вид у него был помятый, на рубашке засохла капелька овсянки. Руки то и дело одёргивали манжеты, будто искали хоть какое-нибудь дело. Отец посмотрел на Олли с беспокойством, которое, впрочем, быстро сменилось раздражением.

– Да, на здоровую не похожа, – сказал он. – Ты что-то совсем разболелась. Необходим постельный режим. И, разуме-

ется, ничего, кроме чая и тостов, тебе нельзя. – Папа подскочил к кровати и выхватил книжку, уголок которой торчал из-под одеяла. Олли вздрогнула. – Читать тоже запрещено. А то можно переволноваться и заболеть гриппом.

Олли перевела взгляд с отца на книгу. Целый день жевать тосты и хлебать чай, лёжа в постели? В автобусе хотя бы почитать можно.

Она покашляла.

– По-моему, мне уже лучше. – Олли придала лицу выражение самоотверженного благородства. – Пожалуй, не стоит пропускать школу.

– Какая молодец! – похвалил отец.

Она с достоинством выбралась из-под одеяла.

– Пять минут, – сказал папа и отправился обратно на кухню, где уже подгорал бекон.

Олли подняла голову и посмотрела в окошко в крыше. Вода скатывалась по стеклу ручьями; казалось, что за окном аквариум. Может быть, подумала Олли, все люди живут под водой, как русалки, но не замечают этого, потому что вода кажется им воздухом?

Нет, глупости какие-то. Комнату определённо заполнял воздух, причём довольно холодный, особенно в сравнении с тёплой кроватью. Олли засунула ноги в пушистые тапочки и пошла к комоду, спотыкаясь и дрожа.

Немного поразмыслив, она надела выцветшие джинсы, длинный зелёный свитер и шерстяные носки, связанные от-

цом. На одном была рыбка, а на другом рыбак. Жёлтые резиновые сапоги ждали на первом этаже у задней двери. Олли достала из-под подушки большие чёрные наручные часы с разбитым экраном и аккуратно надела их. Расчёсываться она не стала: от этого волосы только сильнее кудрявились. Олли бросила взгляд на своё отражение, нахмурилась. Наконец, торопливо почистив зубы в ванной, она бросила «Замкнутые пространства» в рюкзак и спустилась по лестнице.

В носках она ступала почти беззвучно, но отец всё равно обернулся, когда Олли вошла в кухню. В чём-то он совсем не изменился с прошлого года: всё так же вязал носки и шутил. Но его густые чёрные волосы посеребрила седина, которой раньше не было, и порой Олли замечала, что отец смотрит в пустоту остановившимся взглядом, думая, что она не видит.

– Посмотри, какие у папы глаза, – сказала ей однажды мама, когда они втроем сплавлились по реке Коннектикут. Олли сидела в середине каноэ, а отец – на корме у неё за спиной. Мама, занимавшая место впереди, оглянулась с улыбкой. Её нос обгорел на солнце и покраснел. – У него самые красивые глаза на свете, согласна?

Олли не стала спорить. Папины глаза были большие и бархатные, такие тёмные, что непонятно, где заканчивается радужка и начинается зрачок.

– У тебя точно такие же, Оливия, моя маленькая сердцеедка!

Олли улыбнулась, а отец рассмеялся и ответил:

– Глаза тебе достались мои, Оллинёнок, зато храбрость мамина!

Оливия с трудом прогнала это воспоминание. Отец затопил печь, которую они называли Огнесса. Поленья потрескивали за прозрачной заслонкой. В коридоре и на лестнице было холодно, но кухня уже прогрелась.

От большой кастрюли с кашей, стоявшей на плите, поднимался пар, а на разделочном столе лежали три буханки хлеба, хрустящего и румяного. Должно быть, папа продолжил печь, после того как закончил с чесночным хлебом. Может, он всю ночь провёл у плиты, дожидаясь Олли.

Она решила не думать об этом. Не хватало ещё мучиться чувством вины. Лучше сосредоточиться на завтраке. Съесть тост? Нет, пожалуй, кашу. Олли положила себе овсянки, покрошила в неё бекон, а потом полила всё сливками и кленовым сиропом, заготовленным ещё прошлой зимой. Это была последняя партия сиропа, которую они сделали все вместе: мама руководила сбором сока, а папа целыми днями стоял за плитой и варил его.

Но об этом тоже не стоило думать. Олли поставила миску на разделочный стол и пошла наливать кофе.

– Кофе только для взрослых, – сказал отец, не поднимая головы. Он сидел за кухонным столом и листал новости.

– Ну, я же достаточно взрослая для того, чтобы промок-

нуть под дождём и подхватить воспаление лёгких, – ответила Олли и всё равно налила себе кофе, бросив в него сахар.

Отец поднял взгляд. Сам он даже не притронулся к каше в своей тарелке.

– Положила бы ещё овсянки, – предложил папа, заметив её миску. – На полке со специями есть изюм и грецкие орехи. Я же знаю, ты проголодалась. Так ведь и не пришла ужинать.

Значит, и правда ждал всю ночь. Теперь Олли стало по-настоящему стыдно. Она и впрямь проголодалась, поэтому с виноватым видом насыпала изюма и добавила масла в кашу, а потом перемешала.

– Готова ехать на ферму? – спросил отец. – Я только вчера обсуждал «Туманную долину» с мистером Брустером. Линда Вебстер взялась за восстановление фермы всего пять лет назад, но дела у неё идут отлично. Сельское хозяйство в регионе оживает! Я даже немного завидую, что ты увидишь всё своими глазами. Может, меня тоже возьмут в поездку?

– Только если ты выучил роль мокрой крысы, – мрачно отозвалась Олли, глядя на дождь за окном. Она плеснула тёплого молока в кофе, взяла кружку и миску с овсянкой и села за стол.

Отец фыркнул, тоже бросив взгляд на ручьи, бегущие по стеклу.

– Да уж. Шапку не забудь. Зато дома тебя будет ждать протопленная печь.

– И горячий шоколад? – спросила Олли.

– С маршмеллоу, – согласился отец и широко улыбнулся, так что в уголках глаз образовалась сеточка из морщинок. Олли успела соскучиться по этой улыбке, которую так редко видела в последнее время.

Она и сама едва не заулыбалась в ответ. Может, не так уж и страшно немного промокнуть? Олли сделала большой глоток кофе и открыла «Замкнутые пространства». Она знала, что отец наблюдает за ней, но не стала поднимать взгляд. Ей не хотелось снова чувствовать себя виноватой. Олли сосредоточилась на книге.

«Белая дымка, клубившаяся у реки, подползла ближе, окутывая Джонатана, который стоял под дождём весь в слезах.

Из туманного сумрака вышел незнакомец.

– Как он выглядел? – спросила я потом.

– Он улыбался, – был ответ. – Имени он не назвал. Сомневаюсь, что у него вообще есть имя. Я помню длинные тонкие пальцы... и больше ничего. Мне показалось, что я знаю его с рождения, и сам его вид внушал невыносимый ужас.

Когда незнакомец заговорил, его голос звучал ласково.

– Кажется, ты звал меня, – сказал он Джонатану. Дождь всё продолжался.

– Нет, – возразил мой муж, – я звал своего брата.

– Его больше нет, – ответил незнакомец. – Но я мог бы его вернуть. – Он улыбнулся. – Если ты готов платить.

У Джонатана задрожали колени, и всё же он выдавил:

– Чем платить?

– Когда я позову, ты пойдёшь со мной и будешь мне повиноваться, – сказал Человек с улыбкой на лице. – Если согласишься, я верну твоего брата.

– И долго? – спросил Джонатан. – Долго мне придётся тебе повиноваться?

Незнакомец улыбнулся ещё шире. Его глаза были тёмными, как полночная река.

– Пока туман не обратится в дождь, – ответил он».

– Олли. Олли!

Она глубоко вдохнула и удивлённо заморгала, снова вернувшись в уютную кухню, освещённую огнем очага. Погрузившись в чтение, Олли будто наяву перенеслась в тёмную дождливую ночь на старой ферме.

Отец посмотрел на книгу у неё в руках.

– Ты что, совсем не слушала? А я такую прекрасную речь говорил.

– Речь? – переспросила Олли. Она ещё не до конца пришла в себя.

– Ага, – ответил папа. – Под названием «Веди себя хорошо, не промочи ноги, люблю тебя, доченька». Стандартная речь из учебника для родителей.

Олли продолжала удивлённо глядеть на него. Отец вздохнул.

– Ладно, попробуем по-другому. – Он ненадолго задумался.

ся. – Если спросить лошадку, что мешало ей спать ночью, как она ответит?

– Не знаю, – пробормотала Олли, всё ещё думая о «Замкнутых пространствах».

– Книга-го, – выдал отец, изображая конское ржание. – Книга-го.

Олли застонала.

– А что на это скажет утка? – продолжил он, весьма довольный собой.

Олли закрыла лицо руками.

– Зря-зря-зря, – закричал папа, хлопая руками, будто крыльями.

Она всё-таки не сдержала улыбки.

– Пойдём, – сказал он, делая последний глоток кофе. – Я тебя отвезу. Хватит тянуть резину.

Олли допила содержимое своей кружки, соскребла со дна миски остатки каши и вслед за отцом вышла в дождливое утро.

Средняя школа имени Бена Уизерса в любую погоду производила не лучшее впечатление: краска на оконных рамах облезла, крыша местами прохудилась. Но сейчас, под серым пасмурным небом, она выглядела особенно уныло. Здание напоминало большую бездомную псину, свернувшуюся за забором. Олли представила, как было бы здорово, если бы школа и впрямь превратилась в живую собаку. Они бы подружились и вместе отправились навстречу приключениям...

Отец остановил машину на покрытой рытвинами парковке, и Олли пришлось прекратить фантазировать. Она низко склонила голову, придерживая одним пальцем страницу книги, чтобы потом не искать нужное место.

– Может, оставишь её мне? – с надеждой спросил папа. – Поболтала бы с кем-нибудь в автобусе. Дженна скучает по тебе, да и Коко Цинтнер явно мечтает с тобой подружиться...

Увидев выражение лица Олли, он умолк.

– Дженна только и говорит о том, как ей меня жаль. До сих пор. Бесит. А Коко – просто городская дурочка. – Олли показала на книгу. – Кажется, Джонатан продал душу Человеку с улыбкой на лице.

– Ладно, – пробормотал отец, – по крайней мере, я попы-

тался.

Олли подняла свой рюкзак в горошек и взялась за ручку дверцы.

– Послушай, Олли... – начал папа.

Она вопросительно замерла. Отец вздохнул и, видимо, передумал говорить то, что собирался.

– Ну, а как тебе такое: у нас с тобой два зонта, зелёный и красный. После прогулки ты моешь зонты. Помыла зелёный, а про красный я говорю тебе: «Этот зонт не мой». С каким пойдёшь на улицу завтра?

– Пап...

– Ну?

– Не знаю. С зелёным?

Отец ухмыльнулся.

– Нет, с красным, – заявил он. – Я же сказал, что он не мой, значит, твой. А что тебе скажет зонт, когда ты выйдешь на улицу?

Олли уже догадалась, что будет дальше.

– Ну пап...

– Ничего не скажет, он же немой, – с довольным видом закончил отец и расхохотался. Олли, не выдержав, тоже фыркнула.

– Ладно, эта шутка ещё ничего, – признала она, вылезая из машины.

– Подожди, чуть не забыл! Держи. – Отец взял с заднего сиденья контейнер с едой на день и протянул его Олли через

открытое окно. Она приоткрыла крышку, чтобы посмотреть, что внутри, и обнаружила морковные палочки и печенье с арахисовой пастой – и того, и другого было слишком много. Оставшееся место занимали сэндвич с индейкой на домашнем хлебе, разрезанный на четыре части, мюсли в кленовом сиропе с грецкими орехами в сахаре и кекс с шоколадной крошкой. Похоже, папа и впрямь всю ночь не отходил от духовки.

– Я уже слишком взрослая, чтобы носить с собой ланч, – сказала Олли, но её отказ прозвучал неубедительно. Кекс был уж очень аппетитный. – На ферме нас будут кормить, и на классном часу с утра должны быть пончики.

– Пф-ф, пончики, – отмахнулся отец. – Это не еда. Скорее, антиеда.

Олли любила пончики, особенно с сахарной пудрой.

– А вот и нет, еда.

– Ладно, неважно, – сказал папа, решив не спорить. – Всё равно возьми. Никогда не знаешь, в какой момент проголодаешься.

Он улыбался, но его тёмные глаза смотрели с затаённой печалью, будто умоляя: «Пожалуйста, Олли, возьми, я для тебя старался». Поэтому она забрала контейнер и торопливо затолкала его в рюкзак.

– Спасибо, пап, – пробормотала она.

Контейнер был светло-голубой с розовым единорогом. Когда Олли была маленькой, она его обожала, но теперь отец

упрямо игнорировал её намёки о том, что пора бы перейти на простые бумажные пакеты.

– Люблю тебя, Оллиночек! – крикнул он ей вслед так громко, что услышал бы весь городок, не то что средняя школа.

* * *

Взявшись за ручку входной двери, Олли вспомнила, что её ждет директор Снайдер. Ох...

Её кабинет находился в конце длинного коридора с зелёными стенами неприятного оттенка, совсем не такого, как на кухне у Олли. Уродливую краску дополнял линолеум на полу – коричнево-зелёный в крапинку. На двери кабинета висела табличка с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» и червячком, который машет рукой, выглядывая из надкусанного яблока.

Олли не любила эту табличку, потому что всегда вспоминала одну из отцовских шуток: «Что хуже, чем найти червяка в яблоке? – Найти в нём половинку червяка». Олли доводилось обнаруживать в яблоках и то, и другое. Для детей в Эвансбурге это было обычным явлением.

Размышляя о яблоках, Олли вошла в кабинет.

Первым она увидела Брайана Баттерсби, который смотрел на директора честными глазами примерного ученика. Выглядело это, по мнению Олли, совершенно неестественно.

Обычно Брайан изображал из себя крутого парня.

Директор Снайдер явно была раздосадована.

– Ладно, Брайан, расскажи мне ещё раз, что произошло, – велела она.

– Я споткнулся, – бодро ответил тот. – Не повезло.

Олли уставилась на него. Брайан что... покрывает её?!

– Олли, – строго начала директриса, поворачиваясь к ней.

– М-м, да? Я здесь. Вот, пришла, – помахала рукой Олли.

– Ты бросала камень? – спросила Снайдер. – Вчера. Это ты бросила камень в Брайана возле школы?

Брайан поверх её плеча незаметно помотал головой.

– Э-э, возможно? – протянула Олли, не зная, что именно должна говорить. – Я много чего вчера делала. Знаете, столько всего надо успеть в школе и дома...

– Это мог сделать кто угодно, – встрял Брайан. – Никто не пострадал, так в чём проблема?

– Тебя ударили камнем по голове! – воскликнула директриса.

– Случайно, – ответил он, а потом вдруг уверенно и чётко добавил: – И вообще, вы не можете добиваться справедливости от моего лица, если я об этом не прошу. Я тут главный свидетель.

Олли удивлённо разинула рот, но поспешно закивала, когда Снайдер повернулась к ней. Директриса потёрла виски и опять перевела взгляд на Брайана.

– А ещё я не могу допустить, чтобы ученики наносили

друг другу увечья, – сказала она.

– Это вышло случайно, – продолжил настаивать Брайан. – И кстати, может, это вообще сделала не Олли. Я не видел, как она бросала камень.

– Ну разумеется! Камень попал тебе в затылок, следовательно, она стояла у тебя за спиной!

Они оба промолчали.

Директриса испытующе уставилась на них. Олли в ответ посмотрела на неё с ангельским видом, думая про Коко Цинтнер. Наверное, это сработало: взгляд директрисы смягчился. Опять это сочувствие! Невинное выражение едва не соскользнуло с лица Олли. Как же она ненавидела, когда её жалели.

– Что ж, это рыцарский поступок, Брайан, – сказала директриса.

Олли разозлилась. Глупо говорить, что он не выдал её (кстати, с чего бы?) просто потому, что она девочка. Или ещё хуже – потому что она *та самая* девочка.

Но Олли прикусила язык. Какими бы ни были мотивы Брайана, сейчас это оказалось как нельзя кстати.

– Но чтобы больше я о таком не слышала, – добавила директриса. Её глаза растроганно заблестели. – Я так рада, что ты начала заводить новых друзей, Олли. Ну, бегите скорей на урок, ребята.

Они вместе выскочили из кабинета. Как только дверь захлопнулась, Олли повернулась к Брайану и насмешливо

спросила:

– Рыцарский поступок?!

Тот лишь высокомерно вздёрнул подбородок.

– Мне просто не нравится, когда девочки попадают в неприятности из-за меня. Могла бы и спасибо сказать вообще-то. Если бы не я, тебя бы до самого Рождества оставляли после уроков.

– Ну, во-первых, в неприятности я попала из-за *себя*, – возразила Олли. – Ты мне для этого не нужен, спасибо, я сама отлично справляюсь. И не надо проявлять ко мне особое отношение просто потому, что я девочка. Это сексизм.³

– Выручить тебя – это сексизм?!

– Если ты решил выручить меня только потому, что я девочка, то да!

– Про рыцарский поступок не я сказал, а директор Снайдер. И вообще, что ты цепляешься к словам? Я спас тебя от наказания, это главное. – Теперь Брайан уже не так гордо задирает нос.

– Мог бы просто сам вступить за Коко. Тогда меня было бы не за что наказывать. Вчера у тебя смелости не хватило, рыцарь?

– За Коко я вступить не мог, – ответил Брайан таким тоном, словно Олли не понимала очевидного. – Все бы подумали, что она мне тоже нравится.

³ Сексизм – предвзятое отношение или дискриминация людей по половому признаку.

Они быстро шли по коридору. Вот-вот должен был прозвенеть звонок.

– Да не всё ли равно, кто что подумает? – спросила Олли.

Она немножко выдохлась, пытаясь идти быстрее Брайана, но тот, легко подстраиваясь под неё, непринуждённо шагал рядом с таким видом, будто никуда не опаздывал.

– Мне – нет, – ответил он.

– Где ты слов-то таких нахватался? *Главный свидетель!*

– «Закон и порядок», – тут же объяснил Брайан. – Моя мама его обожает. А ты до сих пор не сказала спасибо.⁴

– Потому что я... – запальчиво начала Олли, но осеклась и замерла.

Брайан, как ни странно, тоже остановился. Неужели так трудно просто сказать «пока» и пойти своей дорогой? Более того, он продолжал говорить.

– А знаешь, Олли, здорово ты вчера бросила! Ну, камень. – Он взмахнул рукой. – И это ведь метров с двадцати.

Брайан родился на Ямайке, но, когда он был ещё совсем маленьким, его родители переехали в Эвансбург и открыли спа-салон. Почти ничто не выдавало родину Брайана, разве что иногда он вставлял в разговор какие-то непонятные словечки или, как сейчас, считал расстояние в метрах вместо футов. И ещё Брайан был чернокожим, благодаря чему сразу выделялся среди населения маленького городка в глуши штата Вермонт.

⁴ «Закон и порядок» (англ. Law & Order) – американский сериал о детективах.

– И он такой – вжух...

Но Олли уже не слушала. Она остановилась у окна, из которого виднелись старая кария и грязное футбольное поле. Дождь продолжал лить. Сверкающие серебристые капли падали на землю, наполняя воздух водяной пылью, превращающейся в туман. В *тот* январский день тоже шёл дождь – странный, необъяснимый, похожий на дымку. От него таял снег и покрывались льдом двигатели. В тот день отец пришёл за ней в школу и под этой самой карией сказал...

– Неважно, – буркнула Олли. – Скоро звонок.

И она побежала в класс, оставив озадаченного Брайана позади.

6

Олли и Брайан вошли, точнее, вбежали в класс последними, – когда звонок уже звенел. На первой парте стояла белая коробка с обещанными пончиками. Мистер Истон отлично понимал, что иногда детей нужно подкупать едой. Особенно если их ждёт поездка на ферму в холодный дождливый день.

Олли выбрала себе самый обычный сахарный пончик, а кекс с шоколадной крошкой решила оставить на потом. Откусив кусочек пончика, она бросила рюкзак возле парты и достала «Замкнутые пространства». Пока все заняты, можно немного почитать.

«На следующий день Калев вернулся.

Он был бледен, его губы посинели, а взгляд стал странным и отчуждённым. Увидев Калеба, я вздрогнула от страха и невольно подумала, что он похож на ожившего утопленника. И всё же это был он: его голос, его улыбка. Изменились только глаза.

Калев никому не сказал, где пропал так долго.

– Я не помню, – повторял он.

Все в деревушке решили, что он, должно быть, ударился головой и несколько дней бродил в полузабытьи. Я тоже убедила себя в этом.

Кэти была счастлива как никогда, ведь оба сына вернулись к ней. Она так плакала от радости, что не

обратила внимания на странный взгляд Калеба».

Дальше речь шла о свадьбе Бет и медовом месяце. Олли не стала вчитываться в эту часть. Ей больше хотелось узнать, чем закончилась история про Человека с улыбкой на лице, поэтому она быстро пролистала несколько страниц, читая лишь некоторые отрывки:

«Кaleb был шафером на свадьбе. Он молча стоял возле брата, а Кэти снова расплакалась, когда мы произнесли клятвы. Она безумно любила сыновей...»

«После свадьбы мы провели месяц во Франции, но даже Средиземное море не могло сравниться с красотой Дымной лощины в цвету...»

«В майскую ночь, когда ты родилась, пошёл снег...»

«Джонатан был мне дороже всех на свете. Всех, кроме тебя, милая доченька. В нашем доме царили покой и счастье.

Но однажды ночью всё закончилось».

Олли снова начала читать внимательно.

«Стояла осень. Весь день лил дождь, и над кукурузными полями начал подниматься туман. Мы недавно собрали урожай. Посеревишие голые стебли шуришали на ветру. Был уже вечер, но Джонатан всё не возвращался. Я подумала, что он задержался в коровнике. Так вышло, что одна из коров должна была отелиться в межсезонье.

Наконец в дом вошёл Джонатан. Он весь промок, так что волосы липли ко лбу. Коровником от него не

пахло. Его глаза были широко раскрыты от испуга.

– Он вернулся, Бет, милая моя, – сказал Джонатан, тяжело опустившись на стул возле очага и закрыв лицо руками. – Человек с улыбкой на лице...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.